

Тысяча внутри тебя -
не показатель твой
здоровья.
Любой мир можно
исправить в одно

РИНА ХАРОС

ПЛАЧ СМЕРТИ

**LIKE
BOOK**

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х21

Художественное оформление *Александра Андреева*

Форзацы, иллюстрации перед главами
и задняя часть вклеек *Александры Синявской*

Вклейки — *Амелис*

Иллюстрация на обложке
Натальи Сорокиной (jwitless)

Харос, Рина.

Х21 Плач смерти / Рина Харос. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с. — (Young Adult. Хиты молодежного фэнтези).

ISBN 978-5-04-199640-6

На Пранте совершаются ужасающие убийства: сатиров находят обескровленными в собственных постелях. Их тела напоминают иссушенную оболочку. Некая тварь уничтожает сверхъестественных существ, но кто ею управляет? И как это связано с предреченными, которые, согласно пророчеству, должны встретиться, чтобы изменить мир?

Мулцибер — демон, рожденный ангелами, судьбу которого переключила Смерть. Касандра — фея, восставшая из древа, впитала в себя силы Высших. Чтобы встретиться, им предстоит познать месть и раскаяние, пасть в Забвение, чтобы переродиться.

Свет и тьма, фея и демон, невинность и порочность столкнутся. Но только им решать, будет ли это бесконечная война или безграничная любовь.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Харос Р., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-199640-6

— Тебе осталось не так много времени, мой мальчик, чтобы встретить любовь. Будь готов к тому, что истинная сущность не спутает судьбу с вожделем, привязанность — с похотью. Ты справишься, несмотря на то, что твое сердце на момент вашей встречи будет разбито. Не вини себя в том, чего не сможешь предотвратить. Будь готов принять удар, стань сильным, используй свой дар во благо.

— Что будет, если я не смогу заслужить ее любовь?

— Ты умрешь, мой мальчик, и это будет меньшая из всех твоих бед, поджидающих по ту сторону Забвения.

ПРОЛОГ

5-Й ГОД ПРАВЛЕНИЯ ЭРЫ ДРАКОНА

*Дарует ли судьба второй шанс
на спасение души?*

Клото сидела на каменном выступе в пещере и терпеливо плела нить судьбы одного из смертных существ, что вскоре возродится на земле. Мойра тщательно перебирала тонкую золотистую прядь, разглаживая и заламывая в местах, служивших своего рода переломными моментами в судьбе. Старуха изредка кидала тоскливые взгляды на сестер, которые, крепко обняв друг друга, спали, соприкасаясь лбами. Мерцание, что пронизывало их, окутывало мойр серебряным светом, из года в год становившимся все сильнее. Истинная магия сестер пробуждалась, способная уничтожить своего прародителя — Интстроха — первое божество, воссозданное из пыли и мрака.

Клото чувствовала: скоро одна из сестер скинет оковы сна и явится к ней, чтобы повелевать нитями судьбы и переделывать те, что отдавала Смерть.

Проклятые и прогнившие души Хлоя — карающая дева — делала своими вечными рабами и придавала им истинную форму порока: они становились мрачными тенями с удлинёнными руками и ногами, неспособными в полной мере контролировать свои тела. Смерти нравилось наблюдать за страданиями некогда живых существ. В отличие от сестер, Алкесты и Сенси, Хлоя славилась своим нездоровым желанием убивать, оправдывая себя тем, что делает это во имя справедливости и во благо тех, кто не сошел с верного пути.

Камблы — смертные титаны, души которых так искусно уничтожала Смерть, возрождались в ужасающих обличьях, предав истинную природу. Пожирая себе подобных, они уподоблялись божественным предкам, чтобы возродить новую эру и истребить орков, которые считались врагами испокон веков. Они так и не смогли смириться, что воины сильнее их. Но камблы не знали, что осталось всего несколько десятилетий, прежде чем они умрут, оставив после себя лишь горечь ужасающих воспоминаний, которые не дадут их душам спокойно уйти в Забвение.

Священный огонь, что пробудился пять лет назад, даровал и Вреклингу — континенту жизни и смерти, и Авантину — континенту огня и пепла, безграничную власть, что удерживали в своих руках Селестия и Михаэль. Дриада, в жилах которой с рождения бушевала первородная магия отца, смогла избавиться от проклятого дара и обрести истинную сущность. Потомок дракона трепетно относился к супруге и всячески пытался ей угодить. Они возродили континенты, стерев огнем всю ненависть и пороки, укоренившиеся на землях. Дриада и дракон воссоздали могущественную державу.

Но оставалась Пра́нта — континент желаний и страхов, где еще не был выбран правитель, способный повести жителей за собой. Клото́ знала, что вскоре на этих землях возродится потомок Бальтаза́ра — одного из могущественных демонов, которому не суждено было прожить счастливую жизнь. Всю его сущность переполняли злость, ненависть, черствость, жажда власти, что не смогла искоренить даже любовь. Наоборот, это жгучее чувство только распоролó швы, которые демон небрежно накладывал на свое кровоточащее сердце.

Клото́ умело перебирала старческими пальцами нить судьбы сына Бальтаза́ра, мерцающую ярким светом при каждом прикосновении, заставляя мойру щуриться. Вся прядь была в заламах и изгибах, что говорило о непростой судьбе существа, которое никогда не сможет обелить имя отца, когда-то силой хитрости желавшего умертвить правителей Врэ́клинга и Аванти́на.

Бережно положив нить судьбы демона, Клото вскинула руки вверх. Вокруг ее худых запястий обвились еще две золотистые судьбы, тянущиеся друг к другу, при каждом прикосновении искрящиеся, и, шипя, разлетелись в стороны. Разные сущности, тесно связанные, но не догадывающиеся об этом.

Мойра крепко сжала обе нити и замерла, чтобы не пропустить момент, когда сможет возродить каждую. А пока ей оставалось только ждать, когда сестры проснутся и даруют освобождение, которое вскоре будет уготовано каждому смертному существу.

ГЛАВА 1

15-Й ГОД ПРАВЛЕНИЯ ЭРЫ ДРАКОНА

*Сатана, пришедший по грешные души,
или Ангел, пытающийся спасти их?*

Муцибёр

Я провел ладонью по лицу и устало выдохнул. Ненавидел свою сущность всей душой, но с годами научился принимать ее и использовать во благо. Магия отзывалась на любое настроение: стоило заплакать, как багровая поволока заключала тело в нежные объятия, стоило испытать злость или обиду, как острые щупальца тянулись в сторону врага, стараясь поразить его в самое сердце. Но я научился контролировать ее, контролировать свои эмоции. Выражение лица стало нечитаемым — каменная маска безразличия, скрывающая разбитую на мелкие осколки детскую душу. Мне было одиннадцать, когда начался ад.

Я был изгоем среди родных. Тот, чье имя произносили со скрежетом на зубах. Дьявол, которому не суждено было выжить. Однако у Смерти имелось другое мнение на этот счет. Когда я появился на свет, младенческого крика не последо-

вало — лишь хриплое дыхание вырывалось из горла новорожденного. Мать, лежавшая вся в крови, кричала от осознания того, что ее ребенок умирает. Цепляя дрожащими руками кожу, царапая плоть до кровавых рытвин и пытаясь освободиться от хватки лекаря, она дернулась в мою сторону, но упала без сил, потеряв сознание. Отец кинулся к жене, восстанавливая ее здоровье своей магией, не обращая на задыхающегося ребенка никакого внимания. Уже тогда все мое нутро бушевало, желая оказаться по ту сторону Забвения. Душа заведомо знала, что они не примут меня. Не примут истинную сущность некогда желанного дитя.

Дриады, желающие вернуть мою душу из Забвения, балансирующую между жизнью и смертью, не заметили, как в распахнутое окно влетел темный сгусток магии. Любое существо могло благословить каждого родившегося ребенка, но только в том случае, если он сделает первый вздох и закричит. Наяды, которых позвали родители перед родами, стояли в углу комнаты, сложив руки на груди и раздраженно цокая.

— Вы не спасете мальчишку своей грязной магией.

Голос одной из наяд напоминал бурлящий водопад. Она вскинула полный презрения взгляд на дриады, которые, опешив, перестали колдовать над моим посиневшим телом.

— И что же ты предлагаешь сделать? — почти выплюнув слова в лицо наяды, произнесла одна из дриад, попутно смахнув прилипшую ко лбу прядь зеленоватых волос.

— Отдайте нам дитя.

Тем временем темный сгусток магии, который медленно скользил по телу, юркнул в мой раскры-

тый детский рот. Пока дриады и наяды сверлили дру друга ненавидящими взглядами, детский крик наконец рассек тишину.

Отец, вскинув голову, с застывшим ужасом на лице произнес:

— Дьявол... дьявол... дитя порока и тьмы...

В подтверждение его слов из моей головы начали появляться остроконечные рога, за спиной распахнулись перепончатые крылья, чуть подраивая в такт хаотичным движениям. Крик, заполонивший комнату, до сих пор отголосками прошлого звучит в голове.

Когда родители узнали, что у них родился дьявол, они отрелись от меня, отослали в один из дворцов, погибающих в болотистой трясине. Мать, умоляя отца этого не делать, падала на колени и ревела, глядя, как дитя увозят. Ее возлюбленный, словно каменное изваяние, распахивал белоснежные крылья и преграждал женщине путь каждый раз, когда она пыталась дотянуться до меня, спрятать, оставить рядом. Для того чтобы сослать сына в неизвестность, им потребовалось десять лет.

Уже три года я жил отшельником вдали от родителей, но разъедающее чувство обиды и горечи не покидало душу.

С самого детства твердили, что я — дитя порока и тьмы, что мне уготованы страшные испытания и муки на предсмертном одре. Но из раза в раз я задавался вопросом — что такого мог сделать десятилетний ребенок, существовавший все эти годы затворником, чтобы родной отец ненавидел его?

Мои родители были ангелами — душами умерших богов, вымолившими у Смерти второй шанс. Хлоя смилостивилась и даровала им жизнь, но в обмен они

пожертвовали всеми воспоминаниями, которые хранили их разум и сердце. Лишь любовь осталась в их душах и помогла найти друг друга на земле. Родители испытывали то самое чувство, которое не было подвластно дьяволу: он мог управлять лишь пороками и желаниями смертных и чудовищ.

Что такое любовь? Я пытался найти ответ, но из раза в раз натыкался на непроходимую стену, которая омрачала сердце. И лишь в тот вечер, когда сбежал из дворца, смог получить ответы на свои вопросы.

Родителям все равно. Им было все равно, когда проснулся мой дар, было все равно, когда я впервые опробовал силу, убив стаю Стимфалийских птиц. За несколько дней до случившегося я узнал, что родители ждут ребенка. Девочку-ангела. Астарту. Чувство радости, которое испытал сначала, сменилось на презрение и ненависть, но не к новорожденной сестре, а к тем, кто бросил меня. Отец, который до этого изредка все-таки мог заговорить со мной, теперь просто игнорировал мои слова, считая порочное дитя пустым местом, не стоящим никакого внимания. Мать оказывала чуть больше внимания, а затем полностью переключилась на сестру, которая улюлюкала и дергала ногами на руках женщины. Родители так были рады рождению дочери, что не заметили, как аура окутывала ее нутро, как голубого оттенка глаза покрывались темной поволокой. Они не чувствовали запаха разложения, исходящего от тела младенца. Бело-снежная кожа, золотистые локоны, небольшие крылья с бирюзовым вкраплением, вторившие оттенку волос. Ангел во плоти, дьявол по происхождению.

Я не мог смотреть на любовь родителей и сестры, чувствуя себя лишним. С момента рожде-

ния сестры я стал изгоем, которому оставались считанные часы, дни, недели до того, как отошлют, словно прокаженного, прочь, чтобы не мешал идиллии, воцарившейся в семье. Отец стал часто поднимать на меня руку, когда я оказывался рядом с сестрой, чтобы почувствовать и попробовать истребить тьму, разрастающуюся в детском теле с каждым днем все сильнее. Мать не возражала мужу, боясь попасть под горячую руку. В такие моменты она лишь брала сестру в свои объятия и уходила из комнаты, неслышно прикрывая дверь.

Но в одну из ночей я услышал детский плач, смешивающийся с хриплым смехом — настолько жутким, что по коже пробежали мурашки. Прислушавшись, понял, что в доме все спали. Я слез с кровати и вышел из комнаты, направившись в покои сестры. Лунный свет сквозь окна освещал темный коридор, на стенах висели юбелены с изображением богов, истребленных во время войны и имена которых приписали к лику святых. Афродита, Дионис, Фемиды, Гермес и многие дети Олимпа — все они лишь картинка, застывшие, натянутые на раму полотна с краской, без души. Смерть не дала им шанс на возрождение, посчитав, что они будут нужнее в ее царстве, подобно лучу солнечного света. Я осторожно, но уверенно продолжал идти вперед под пристальными взглядами умерших богов, хотя все тело тряслось от волнения и какого-то ужаса, к которому уже был готов.

Дойдя до комнаты сестры, трясущимися руками обхватил дверную ручку и резко распахнул створку, застыв на пороге. Темная материя, напоминающая волкообразную дымку, нависла над

Астáртой и питалась ее страхом. Тварь, оскалив прогнившие зубы, с которых стекала темная жидкость, издала лающий смех, когда девочка вновь всхлинула и попыталась прикрыть глаза маленькими ручками. Мое тело трясло от страха, но я нашел в себе силы и вошел в комнату, споткнувшись об игрушку, чем привлек внимание твари. Она медленно повернула голову в мою сторону и улыбнулась. Пар вырвался из ее ноздрей, обдав комнату запахом смрада и разложения. Острые когтистые лапы вцепились в стену и начали драть краску, которая летела на сестру, хороня под слоем пыли. Тварь издевалась, зная, что я не представляю для нее никакой опасности. Моя магия еще не пробудилась в полную силу. Сестра завопила и вновь издала протяжный крик, который в этот раз разбудил родителей. Тварь, прижав обезображенную лапу ко рту, приказала молчать и скрылась в распахнутое окно.

Отец вбежал в комнату первый и, увидев, как дочь кричит и пытается отдышаться от клубов пыли, отшвырнул меня в стену и прижал локоть к горлу, перекрыв дыхание. Я пытался ослабить хватку, но он лишь сильнее надавил на кадык, заставив рвано задыхаться. Мать, вбежавшая следом, вскрикнула и побежала к дочери, разгребая руками засохшую краску со стен.

— Ты пытался убить мою дочь, ничемный демон, — прошипел отец.

— Я б... бы никог... да не прит... тронулся...

— Врешь! — закричал отец и резко убрал руку от моего горла.

Я рухнул на пол и схватился пальцами за шею, пытаюсь сделать глубокий вдох, от которого закаш-